

РОССИЯ В МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ**ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО
СОЦИАЛИЗМА В РОССИИ:
ОТ «ХАОТИЧЕСКОЙ» ЭКОНОМИКИ
К КООПЕРАТИВНОМУ КАПИТАЛИЗМУ,
КООРДИНИРУЕМОМУ ГОСУДАРСТВОМ?****Д. Лэйн**

С начала перестройки обществ государственного социализма при посткоммунистических правительствах и до 2000 г. прошло десятилетие, и уже можно поразмышлять о возникшей политико-экономической организации. Ранним посткоммунистическим правящим элитам виделся переход к обществу западного типа с его богатством, наличием рынков, частной собственности, демократии и гражданского общества. Западные представления о структуре капитализма играли доминирующую роль в формировании политики раннего этапа. Добившиеся успеха капиталистические общества Западной Европы и, особенно, США не только стали работающими моделями того, чем стремились стать посткоммунистические государства; эти страны также определяли условия, при которых новые государства выходили на глобальный рынок и получали финансовую и политическую поддержку.

В России данный переход оказался не таким, каким его желал сделать кто-либо из влиятельных проектировщиков. Перед аналитиками стоят следующие вопросы: какой тип экономического образования был создан? какова подходящая модель для будущего? В данной статье трансформации анализируются в терминах структурных форм компаний, экономических результатов и моделей социальной интеграции (или дезинтеграции), фрагментации элит и классов. На базе сравнительной политической экономики рассматриваются различные модели капитализма: конкурентный, регулируемый рынком, и кооперативный, или переговорный. На основании критериальных характеристик этих моделей современная российская экономика может быть определена как извращенное хаотическое социальное образование. Итоговым утверждением является утверждение, что политика должна быть переориентирована на становление кооперативной «переговорной» системы, контролируемой государством.

Преобразование

Вслед за приходом к власти политического руководства, возглавляемого президентом Б. Ельциным, в России начала проводиться политика быстрой приватизации экономики. Одновременно шло разрушение идеологического, политического и экономического аппаратов советского государства. Предполагалось, что Россия является политическим и идеологическим банкротом и представляет собой *tabula rasa*, на которой может быть создана продвинутая форма капитализма. Первоначальная политика распространения рыночных отношений и приватизации оправдывалась неолиберальной доктриной. Советники с Запада выступали за переход к англо-американскому типу капитализма. Это включало введение рынков товаров, активов и труда, низкий уровень государственного вмешательства в экономику, открытие экономики для иностранной конкуренции и свободный обменный курс рубля. Приватизацию экономических активов нужно было ввести для создания самомотивированного (*self-motivated*) бизнес-класса. Предполагалось, что успешное проведение такой политики могло бы воспрепятствовать воспроизводству административного класса, который являлся носителем институциональных характеристик государственного социализма. Принятие англо-американского неолиберализма было рациональной стратегией для нового руководства. Это легитимировало как разрушение политической и экономической базы старых правящих классов, так и формирование конкурирующих единиц на внутреннем рынке; глобальная конкуренция поддерживала бы экономическую эффективность и способствовала промышленной перестройке на основе сравнительных преимуществ.

Слова «институциональный проект» стали лозунгом транзитологов (1). Проектанты капитализма, однако, подверглись критике по двум основным направлениям. Во-первых, введение набора экономических и политических правил не может не опосредоваться политическими и экономическими структурами государств-реципиентов. Во-вторых, сами предложенные правила могут не подходить для достижения результатов, обещанных политическими советниками. На карту здесь поставлены и более широкие политические, экономические и социологические воззрения. Получила распространение точка зрения, что применение в качестве теории успешных преобразований неолиберальных моделей рынка и конкурентной политики ошибочно.

Эти два обстоятельства вписаны в более широкий контекст структуры капитализма, которая может принимать различные формы. Капитализм как тип политико-экономической организации есть система производства, которая имеет место при рыночном обмене, использующем деньги в качестве посредника и определяющем величину прибыли, уровень инвестиций и распределение товаров и услуг. При этом производственные активы находятся в частной (коллективной или индивидуальной) собственности, а прибыль, ведущая к накоплению, играет роль основного мотива экономической жизни. Государство, включенное в более или менее плюралистическое общество, устанавливает эффективную систему законов, которая охраняет частную собственность и права собственников на доходы производства. Основная легитимирующая теория — это

теория демократии или полиархии, следствием которой является конкурентная борьба между партиями и группами за влияние на законодательную или исполнительную ветви власти.

С социологической точки зрения, для поддержания капитализма в интегрированном состоянии необходимы три инструмента регуляции и контроля: система ценностей, доминирующий буржуазный класс и институты, способствующие социальной, политической и экономической интеграции. Власть и деньги — вот два средства, которые поддерживают социальную стабильность. Помимо этого результаты деятельности системы должны отвечать материальным и духовным потребностям населения.

Как экономическую систему капитализм можно вписывать в контекст сильного или слабого государства, в культуру активного участия или подданническую культуру. Он может стать эффективной составной частью глобальной экономики или сохранять включенность в экономику локальную.

В случае с восточноевропейскими странами проведение на начальном этапе неолиберальной политики в масштабе, беспрецедентном даже для англо-американского капитализма, не оказало желаемого воздействия на создание богатства, демократии и стабильности: ограничения, порожденные наследством государственного социализма, наложили свой особый отпечаток на процесс преобразований.

Приватизация, право собственности и контроль

Приватизация активов в России не привела к развитию капиталистического класса, обладающего стремлением к накоплению капитала. В период распада СССР реальный контроль над государственными активами находился в руках управляющих, и в позднегорбачевский период ресурсы были переданы партийным и правительственным функционерам. Управляющие местными предприятиями, а также главы местных администраций захватили активы местной промышленности. В торговле стал формироваться мелкий семейный бизнес, а в производственном и торговом секторах — принадлежащие управленческому корпусу компании. Новые политические структуры, однако, оказались слабыми. Менеджеры же были чрезвычайно сильно предрасположены действовать в своих личных интересах, следствием чего стала непропорциональная концентрация активов в их руках (подробнее об этом ниже). Во многих отраслях местные управленцы распространяли существовавший контроль над производством на маркетинг и сбыт, переводя прибыли на себя. Банки образовывались финансовыми институтами разчленившихся предприятий путем присвоения активов, принадлежавших материнским компаниям. Это привело к тому, что на активы и доходы от производства стали предъявляться права, которые не регулировались законом; этот же процесс служил основой деятельности мафиозного типа. При разгосударствлении многие предприятия испытывали нехватку в желающих их приобрести, поэтому приватизация приняла форму покупки через институты государства (на местном, региональном и федеральном уровнях). Фактически были созданы «государственные компании», часто находившиеся в совместном владении через пакеты акций, выкупленные управляющими. Следовательно, неолиберальная модель перехода была поломана.

Политическое руководство при Б. Ельцине сдерживалось в своей приватизационной политике не только спонтанной приватизацией, но также необходимостью обеспечивать поступление доходов и налогов от главных (особенно энергетических) отраслей. План для нефтяной промышленности, озвученный в ноябре 1992 г., состоял в формировании двух типов компаний: дочерних и холдингов*. Холдинговая компания могла бы гарантировать поступление доходов и налогов государству, в особенности федеральному правительству**. Они взяли бы под свой контроль «дочерние» компании, которые частично стали бы собственностью холдингов***. Это не только обеспечило бы поток прибыли, заработанной новыми компаниями, в центральную казну, но и сохранило бы их в юрисдикции федерального правительства, тем самым защищая его права на налоговые поступления****. Другие отрасли (металлообрабатывающая, пищевая, текстильная), торгующие на внутреннем рынке, в соответствии с неолиберальной экономической политикой были открыты для внешней конкуренции. На практике многие предприятия (особенно в сельском хозяйстве и производстве товаров длительного пользования) не могли существовать без государственных субсидий и были неспособны платить собственным работникам, которые на своем рабочем месте фактически были безработными. Правительство России, в отличие от правительств США и Великобритании, было слишком слабо, чтобы сдерживать последствия широко распространенных банкротств, и поэтому продолжало по мере сил поддерживать погибающие предприятия.

Таким образом, наследие государственного социализма повлияло на масштабы и характер приватизации. В 1996 г. российское правительство владело более 10 % акций трети всех приватизированных предприятий и более 20 % акций их четверти; государство владело третьей частью в пятидесяти крупнейших корпорациях (2). Более 80 % предприятий действительно находятся в частной собственности, но если принять во внимание число занятых и объем произведенной продукции, то «смешанная» собственность с участием государства, управляющих и частных владельцев окажется доминирующей (3). Категория «смешанная собственность с иностранным участием» включала такие компании, как «Газпром». В 1999 г. 38,8 % его акций принадлежали государству, 5 % — «Рургазу», остальные были распылены между множеством акционеров, в число которых входили его бывшие и нынешние работники и руководители. 8 % пред-

* Основными документами, в которых эти новые структуры получили юридическое определение, были президентские указы. Здесь есть несколько сходных моментов с формой национализации, проведенной при Карлосе Пересе в Венесуэле. Там правительство, столкнувшись при рассмотрении планов национализации с сильной местной структурой управления, создало государственную холдинговую компанию (Petroles de Venezuela) и три-четыре интегрированные нефтяные компании на базе ранее существовавших организаций.

** Само разделение властных полномочий между федеральным и региональным правительствами (республиками, областями) вызывает борьбу за доходы от активов. Этот вопрос не является предметом обсуждения в данной статье. Некоторые субъекты федерации не признают прав и властных полномочий федерального правительства (Чечня — наиболее известный случай), особенно в отношении доходов от местных активов.

*** Правительство Российской Федерации также должно было сохранить в своей собственности от 45 % до 51 % акций холдинговых компаний, как минимум, на три года.

**** Это право ставится под вопрос многими региональными республиками. Оно является основной причиной сепаратистского движения в Чечне, материальным мотивом которого служит плата за прокачку по трубопроводам, проходящим через ее территорию, а также доход от небольшого объема производства и переработки нефти.

приятый, находящихся в совместной собственности, создают 60 % продукции, выпускаемой компаниями этой формы собственности.

В 1999 г. 14 тыс. предприятий по-прежнему оставались в полной собственности государства и управлялись представителями правительства (4). (О том, каково соотношение типов собственников в различных отраслях, доступных данных нет.)

Эти цифры, если пользоваться языком футбольных терминов, говорят о том, что Россия принадлежит совсем к другой лиге стран, чем ведущие капиталистические государства по показателю государственной собственности. К примеру, в США, Великобритании, Японии и Германии доля акций, находящихся в руках государства, чрезвычайно мала — она колеблется от 0 % в США до 5 % — в Германии. Государственное предпринимательство, как правило, концентрируется в сфере общественного сектора. Его относительная величина (процентная доля в добавленной стоимости и формировании капитала) в 1988 г. составила в Великобритании только 8 % и в Западной Германии — 11 % (5). Франция в этом отношении (18%) более близка к бывшим странам государственного социализма*.

Эволюция бизнес-класса, буржуазии также происходит в контексте разгосударствления. Мелкотоварное производство и сферу услуг могли развивать люди, находившиеся на периферии государственной социалистической экономики. Они могли переходить в семейный розничный бизнес. Однако формирование корпоративного бизнес-класса, контролирующего основные отрасли (энергетика, машиностроение, высокотехнологичное и крупномасштабное промышленное и сельскохозяйственное производство), остается под влиянием администраторов с опытом работы в отраслевых министерствах периода государственного социализма. Основной выигрыш от приватизации получили государственные чиновники и управляющие, которые в ходе своеобразной революции менеджеров превратили свой исполнительский контроль над предприятиями в легальное право собственности (6). Первоначально администраторы и управляющие, контролировавшие производственные мощности, значительно выиграли от упразднения системы министерств и юридически оформленного раздела прав собственности на экономические активы**. В 1995 г. акции, выкупленные управляющими, составили 55 % активов крупных и средних компаний, масштаб же «массовой приватизации» был относительно небольшим: только 11 % активов

* В капиталистических странах Запада государство как экономический агент играет важную роль, используя другие средства: налоги, регулирование рынка и контроль над денежным предложением. Усиливающаяся тенденция к приватизации общественного сектора и упадок системы государственных пособий, несомненно, ослабили сферу общественных услуг.

** Активы дочерних и холдинговых компаний были разделены следующим образом. В дочерних компаниях акции были разделены на две части, меньшую из которых (25 %) составили привилегированные (неголосующие) акции. Они должны были бесплатно распределяться между работниками (управляющими и рабочими) предприятий. Оставшаяся часть, обыкновенные голосующие акции, должны были разделяться так: 38% акций помещались в нефтяную холдинговую компанию или, в некоторых случаях, передавались во временное управление государственному предприятию «Роснефть», причем целью было дать холдинговой компании контрольный пакет из 50,7 % голосующих акций; 10 % должны были на льготных условиях продаваться рабочим предприятия; 5 % предназначались для продажи на льготных условиях управляющим предприятия; 3,75 % предназначались для продажи через «чековые аукционы» малым народностям Севера и работникам акционерных обществ, владевших трубопроводными предприятиями. И наконец,

этих компаний были распроданы посредством равнодоступной ваучерной приватизации (7).

Кроме того, после 1997 г. из-за продажи активов внешним покупателям и российским банкам произошло дальнейшее дробление промышленных элит*. Корпоративное единство индустриальных элит было отчасти ослаблено появлением в верхних эшелонах администрации людей, не имевших никакого отношения к соответствующим отраслям. В связи с ростом участия банков и финансовых объединений в деятельности компаний (особенно нефтяных, таких, как «Юкос», «Сиданко» и «Сибнефть») банкиры и финансисты стали занимать места в советах директоров. Среди вице-президентов также стали появляться представители других деловых сфер**. В 1998 г. организаторами намечавшегося слияния «Юкоса» и «Сибнефти» были два финансиста, владевших основными долями этих компаний — М. Ходорковский (председатель советов директоров банка «Менатеп» и компании «Юкос») и Б. Березовский (владелец основного пакета акций «Сибнефти» и значительных долей «Логоваза» и других компаний). Данный пример иллюстрирует развитие финансово-промышленных групп (ФПГ) в конце 90-х годов. Эти группы являются финансовыми и промышленными союзами, горизонтально соединяющими промышленность и банки, и рассматриваются как институты, воссоздающие «традиционно тесные связи между предприятиями и государством» (8).

Хотя эти данные являются лишь частичными, и им недостает подробной статистической базы развитых капиталистических стран, они указывают на значительное расхождение с западными странами. Табл. 1 показывает ранговое распределение различных категорий собственников и держателей акций в США, Великобритании, Японии, Германии, а также в России (чем выше ранг, тем меньше доля общей совокупности акций, принадлежащая соответствующей категории держателей).

Россия находится в диаметрально противоположной позиции относительно США и Великобритании. Россия схожа с Германией и Японией в отношении перекрестного владения компаниями друг друга. Однако она отличается от этих стран размером государственной собственности.

Право собственности является одним из важных аспектов организации компаний. Но не следует предполагать, что оно обеспечивает эффективный контроль. Этого не происходит потому, что собственникам противостоят управляющий и технократический персонал, который, как было отмечено выше, сам является важным собственником. Для внешних собственников оказывается очень трудным обеспечить осуществление своих прав через суд. Российский капитализм в условиях неопределенности относительно будущего больше харак-

18,25 % акций предназначались для продажи через чековые и/или денежные аукционы другим (внутренним или иностранным) покупателям. Кроме того, было определено, что в собственности иностранных инвесторов может находиться не более 15 % акций.

* «Альфа-Банк» приобрел 40 % акций тюменской нефтяной компании, «Онексимбанк» — 80 % акций «Сиданко», «Менатеп» — 85 % акций «Юкоса», СБС/Березовский — 99 % «Сибнефти», действуя через посредников, таких, как «Лагуна», НФК, «Interros Oil», «Синс», «Rifainoil», «Монблан» и Финансовая нефтяная корпорация (ФНК). (Khartukov Eugene M., Oil and Gas Journal. (1997. 18 авг. P. 38). Банк «Империал», которым владеют «Лукойл» и «Газпром», приобрел 5 % акций «Лукойла». О совместных предприятиях, доля которых в производстве нефти в 1996 г. составляла только 7 %, см. «Финансовые известия» от 27 марта 1997.

** Зия Бажаев — в «Сиданко» и Мухарбек Аушев — в «Лукойле».

Таблица 1

Распределение собственности в США, Великобритании, Германии, Японии и России

Категория держателей акций	Страна				
	США	Великобритания	Япония	Германия	Россия
Физические лица	2	2	3	4	5
Менеджеры	—	—	—	—	4
Финансовые институты—агенты	1	1	4	5	7
Финансовые институты—собственники	5	6	1	2	3
Нефинансовые корпорации	3	3	2	1	2
Иностранцы	4	4	5	3	6
Государство	6	5	6	6	1

Примечания:

1. Категория «финансовые институты—агенты» включает в себя пенсионные фонды, паевые инвестиционные фонды, финансовых менеджеров, которые владеют и управляют портфелями акций вместо и для других инвесторов. Финансовые институты-собственники — это институты, которые владеют акциями, чтобы получать прибыль самим.
2. Распределение категорий по рангам для США, Великобритании, Германии и Японии основывается на данных, цитирующихся в работе С. Прауза (9).

Таблица 2

Основные экономические индикаторы развития и упадка в 1991—1999 гг.

Год	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999*
ВВП	-5	-14	-9	-13	-4	-5	1	-4,3	
ПП	-8	-18	-14	-21	-3,3	-4	1,9	-5,2	-10,7
ЗП	22,41	21,32	20,80	18,58	17,18	16,36	14,89		
ПС					319	147	46	44	
Инв.	-15	-40	-12	-24	-10	-18	-5	-6,7	-10,7
РРД		-47	9	13	-13	-0,9	6,3	-18,2	-30,8
ИПЦ	750	2510	840	220	130	21,8	11	84,4	8,5

Примечание:

* Данные только за январь 1999 г.

Все цифры (за исключением числа занятых в промышленности (ЗП)) — это индексы, выраженные в процентах от их значений в предыдущем периоде.

ИПЦ — инфляция потребительских цен;

РРД — реальный располагаемый доход;

ПП — промышленное производство;

Инв. — инвестиции.

Источник: Экономическое развитие России. М., Т. 6. № 4. 1999. Апрель—май. С. 4—5.

ЗП — занятость в промышленности (в миллионах человек).

Источник: Российский статистический ежегодник. М., 1998. С. 179.

ПС — средняя процентная ставка краткосрочных кредитов коммерческих банков (годовой сложный процент)

Источник: Economic Survey of Europe. 1998. № 3. New York/Geneva: United Nations 1998. P. 35. 1998. Jan.-June only.

теризуется взиманием ренты и экспортом капитала, чем капиталовложениями и накоплением. С 1991 г. объем инвестиций значительно сократился: на 15 % в 1991 г., на 40 % — в 1992 г. и на 6,7 % — в 1998 г. (табл. 2). Главным источником капиталовложений является неразделенная прибыль компаний, оставшаяся после выплаты дивидендов (10). Основной, если не главной, проблемой капиталисти-

ческой системы становится вопрос о том, кто, какие институты и явления будут определять процесс накопления капитала.

Фондовый рынок как координатор

Несмотря на то что господствующие экономические группировки в России следует искать в финансовом секторе, отсутствие фондового рынка с четко определенными правилами, позволяющими осуществлять в ходе конкурентной борьбы слияния—поглощения, резко ограничивает их силу. Кроме того, право собственности на активы определено нечетко, и ликвидность акций низка. В России, в отличие от англо-американского капитализма, фондовый рынок как средство координации крайне слаб и демонстрирует отсутствие институциональных ограничений, необходимых для обеспечения устойчивости неолиберальной политики. К 1996 г. 12 восточно- и центральноевропейских переходных экономик имели рынки акций. Однако эти рынки не были основными каналами регулирования капиталовложений. Средняя капитализация рынка относительно ВВП составляла 9 %. В России, где фондовая биржа была организована только в мае 1995 г., в 1996 г. капитализация составила 29 033 млн долл., а наиболее вероятной формой приобретения существующих «контролируемых менеджментом» компаний является слияние по обоюдному согласию.

Для сравнения: капитализация фондового рынка в Великобритании составила (в процентах от ВВП) 81 % и в США — 48 %, а в Германии всего лишь 14 % (11). В 1986 г. в Германии доля компаний из списка фондовой биржи в общей величине продаж корпоративного сектора равнялась 20 %, а в Великобритании — 80 % (12). Следовательно, количество поглощений и слияний в англо-американских экономиках гораздо выше, чем в Германии и Японии. Согласно сравнительному исследованию крупных фирм Японии и США (13) за период 1980—1989 гг. лишь немногим более 2 % японских фирм, попавших в выборку, было захвачено или поглощено против 22 % фирм американской выборки. В Японии и Германии враждебные захваты чрезвычайно редки: в Германии в послевоенный период произошло только четыре успешных захвата, тогда как из 500 американских фирм, представленных в списке «Fortune», 10 % компаний имели подобную судьбу (14).

Обобщая сказанное, отметим, что современный капитализм на уровне деловых корпораций может быть разделен на два основных типа: конкурентную модель, примером которой служат США, и корпоративную модель, символом которой является Германия.

При кооперативном капитализме система переплетающихся связей между директорами фирм образует сеть, обеспечивающую бизнес-элите солидарность и сплоченность, а деловому сообществу — лидерство в национальном масштабе. Они объединяют группировки «большого бизнеса». В отношении Германии Виндольф и Байер заключают, что «узость перспектив специфических интересов компаний» «преодолевается», и люди, занимающие несколько директорских должностей одновременно, «представляют общие интересы большого бизнеса» (15). Координация промышленности, возвращенная в Германии системой переплетающихся директоратов, которые связывают ее с кредитными институтами (такими, как банки), обладающими значительной корпоративной влас-

тью, породила не только регулирование конкуренции и кооперации* самим деловым сообществом, но и координацию экономики посредством распределения капиталов. Взаимозависимости компаний в Германии способствуют сильные ассоциации производителей, которые не только коллективно действуют в отношениях с государством, но и объединяются против рабочих во время забастовок (также регулируемых законом). Промышленную организацию Германии можно описать термином «ассоциативное правление». Солидарности также способствует понятие «держатель доли» (stake-holder), дающее организованным рабочим право на представительство в советах корпораций.

Экономическая эффективность в США и Великобритании достигается через фондовый рынок: фирмы, работающие плохо, несут потери, их стоимость падает, и они либо банкротятся, либо захватываются, часто с последующим выводом активов. Слабые фирмы таким образом устраняются с рынка, и условия для мобильности капитала (и труда) улучшаются. Эту модель признают наиболее подходящей для переходных обществ большинство политических советников Запада. Однако в Германии структура прав собственности и контроля не позволяет фондовому рынку выполнять вышеописанную функцию. Вместо него наблюдение за деятельностью управляющих осуществляют держатели крупных пакетов (в частности, банки и другие, нефинансовые, фирмы), поэтому изменения являются внутренним делом фирмы. Как поставщики и заказчики, они, исходя из долгосрочной перспективы, заинтересованы в обеспечении безопасности своих активов и бизнеса. Несомненно, что корпоративная система способствует экономической стабильности в Германии и изменениям в англо-американской системе.

В России механизм рынка капитала не может функционировать сообразно англо-американской модели. На то есть три основные причины. Во-первых, неликвидность прав собственности на активы: лишь небольшая их доля может продаваться на фондовом рынке. Во-вторых, предприятия включены в оставшуюся от прошлого систему социального обеспечения: они предоставляют не только работу, но и социальные блага (жилье и медицинские услуги). В-третьих, государство, до сих пор имеющее свою долю в предприятиях, на которых занято 60 % совокупной рабочей силы, оказывает мощное давление на судебные власти и кредиторов, для того чтобы воспрепятствовать проведению процедуры банкротства. Банкротства могут привести к безработице и углублению социальной нестабильности, что еще больше ослабит политическую систему.

Развивающийся российский капитализм значительно отличается от парадигм как германского, так и англосаксонского капитализма. При введении рыночной системы в нем была усилена заложенная в конкурентном капитализме тенденция дезорганизации.

* Текущая политика Европейской комиссии, однако, состоит в расширении конкуренции и обеспечении возможности рыночного захвата компаний. Как и в случае с другими аспектами рыночной экономики (ценами, заработной платой, мобильностью), предполагается, что рынок обеспечивает лучшую дисциплину и эффективность. Широко распространено мнение, что гармонизация рыночных механизмов очевидным образом приведет к большей открытости холдингов в континентальной Европе, и многие эксперты полагают, что следовать будут скорее британской практике, нежели немецкой или французской. Подобное развитие событий остается предметом спекуляций, и в ближайшем будущем описанные выше различия в структуре капитала, без сомнения, сохранятся. Обсуждение этого вопроса выходит за рамки нашей статьи.

Стабильность капитализма есть одновременно и причина и следствие всевозрастающего богатства и процветания передовых стран Запада. Функционирование «свободных рынков» в западных капиталистических экономиках стало предметом усиливающейся критики, основывающейся на том, что конкуренция ведет к дезорганизованному (16) капитализму, сопутствующими характеристиками которого являются экономический спад, инфляция, безработица, фрагментация политической структуры и гражданского общества.

В глобальной экономике свободный рынок выносит смертный приговор неэффективным компаниям и отраслям, что имеет важные последствия для национальных экономик. Правительства осознали, что координация экономической системы с помощью «невидимой руки рынка», по А. Смиту, не может осуществляться без значительных (и неприемлемых) издержек. Правительства и монополии жестко ограничивали функционирование рынка всякий раз, когда это приводило к ущемлению их интересов. Поступая подобным образом, они сконструировали разновидность «кооперативного капитализма».

Экономика и социальные последствия

Стабильность и интеграция капиталистического общества обусловлены не только структурой экономических механизмов, но и их функционированием, в особенности успешным решением задачи повышения уровня жизни и благосостояния людей. Фактически именно вера в превосходство капитализма и рынка как средств повышения жизненного уровня была одним из неотразимых аргументов, которые приводили людей к убеждению в необходимости отказа от государственного социализма.

Однако результатами переходных процессов в России стали экономический спад, истощение национальных богатств и падение личных доходов. Как показано в табл. 2, ВВП, промышленное производство, реальный располагаемый доход и уровни капиталовложений с 1991 г. постоянно снижались, а инфляция резко росла.

Убыточные фабрики и организации (исключая малый бизнес) в I квартале 1999 г. составили 43,6 % от общего их количества. Причем совокупные убытки равнялись 54,4 млрд руб. в сравнении с 71 млрд руб. прибыли, полученной другими предприятиями (17). Главным источником капиталовложения в настоящее время является прибыль, полученная самим предприятием. К примеру, за I квартал 1999 г. 79,7 % инвестиций компаний пополнялись из внутренних источников капитала, только 12 % были банковскими кредитами и 0,8 % поступило из государственного бюджета (18).

Деньги утратили роль посредника в обмене между предприятиями и в оптовой торговле. В феврале 1999 г. в промышленности только 47,3 % общего количества товаров и услуг было оплачено деньгами. Расчет за остальные 52,7 % проводился в другой форме: за 12,1 % — через векселя, за 27 % — взаимозачетами, за 7,8 % — бартером (5,8 % в остатке). (Данные только по промышленному производству.) Так, 77,6 % услуг РАО ЕЭС было оплачено через неденежные трансакции, у «Газпрома» их доля в оплате продукции составила 46,7 % (19).

Схема 1

Горизонт инвестиций	Ведущие механизмы координации			Корпоративный контроль
	Отсутствуют	Рынок	Ассоциации/банки	
долгосрочный			Германский	концентрированный
краткосрочный		Англо-американский		дисперсный
отрицательный*	Российский			перекрестный/ государственный
	Прибыль	Фондовый рынок/прибыль	Банки/прибыль	
	Источники финансирования			

* Отрицательный баланс экспорта капитала и внутренних капиталовложений.

На основании этих данных мы можем обобщить и наглядно представить (схема 1) различные способы структурирования капиталистической системы. Сравниваются характеристики капитализма в России, США/Великобритании и Германии.

Фрагментация элит и классов

На Западе согласованному функционированию капиталистической системы способствует консенсус внутри правящих элит по поводу правил игры и их (элит) интеграции в правящий класс и государство (20). Марксисты и специалисты в области теории элит утверждали, что солидарность при капитализме обеспечивает не рынок, а господствующий правящий класс, связанный аморфными социальными и политическими сетями (21). Домхофф использовал понятие «социально сплоченный национальный высший класса» (22), а Скотт анализировал «замкнутость, посредством которой высший класс может добиваться результатов от применения стратегий, которым следуют его члены для того, чтобы защитить и увеличить свои превосходство в жизненных шансах». Процесс классового воспроизводства, по утверждению Скотта, нужно анализировать с точки зрения таких измерений, как «рекрутирование», «замкнутость» и «интеграция» (23). Классовые самосознание и солидарность проявляются явным образом в контроле над государственным аппаратом, который функционирует для защиты интересов капитала.

Подобная солидарность отсутствует в России, что демонстрируют установки современных элит. Обратимся к рассмотрению результатов опроса 65 нефтепромышленников и 30 политиков, проведенного в Москве летом 1997 г. Ответы респондентов обобщены в табл. 3 а и 3 б.

Мнения относительно легитимности настоящей политической системы разделились: большинство из нефтяной элиты защищают возможность ее дальнейшего значительного реформирования, а половина политиков призывают к полной замене системы. Совершенно очевидны значительные сомнения политиков и заметная обеспокоенность нефтепромышленников относительно эффективности современной системы.

Таблица 3 а

Эффективность политических реформ с 1992 г.

Вопрос: Возникшая в результате политических и экономических реформ, имевших место после 1993 г., политическая система ...

№ п/п	Респонденты	Нефтепромышленники, %	Политики, %
1	Эффективна и почти не нуждается в изменениях	4,5	0
2	Эффективна, но ей нужны некоторые реформы	27,7	10,0
3	В целом неэффективна, но значительные реформы могут быть проведены при существующей системе	52,3	40,0
4	Совершенно неэффективна, и необходима ее полная замена	13,8	50,0
5	Нет ответа	1,5	0
Число респондентов		65	30

Хи-квадрат = 0,003. Расхождение в ответах двух групп респондентов статистически значимо.

Таблица 3 б

Эффективность существующей экономической системы

Вопрос: Возникшая в результате политических и экономических реформ, имевших место после 1993 г., политическая система ...

№ п/п	Респонденты	Нефтепромышленники, %	Политики, %
1	Эффективна и почти не нуждается в изменениях	1,5	0
2	Эффективна, но ей нужны некоторые реформы	32,3	10,0
3	В целом неэффективна, но значительные реформы могут быть проведены при существующей системе	53,8	36,7
4	Совершенно неэффективна, и необходима ее полная замена	7,7	50,0
5	Нет ответа	4,6	3,3
Число респондентов		60	30

Хи-квадрат = 0.00011. Расхождение в ответах двух групп респондентов статистически значимо.

Из ответов ясно, что критическому большинству респондентов, даже среди нефтепромышленников, не хватает доверия к существующим экономической и политической системам. Они добиваются реформ и готовы к работе в этих структурах. Однако гораздо большую разочарованность демонстрируют политики. 50 % респондентов полагают, что политическая система «совершенно неэффективна» (табл. 3 а). Данная выборка представителей политической и экономической элит указывает на значительную напряженность в элитной структуре.

Отношение к экономической системе поразительно расходится у политиков и нефтепромышленников. Половина политиков и в данном случае призывает к ее «полной замене». В то время как только 8 % нефтепромышленников полагают, что полная замена необходима, более половины из них считают систему неэффективной (см. табл. 3 б).

Думским политикам ближе идея поддержки российской промышленности субсидиями в виде низких цен на нефть и газ, и они проголосовали бы за увеличение государственного участия и контроля в экономике. Позиция депутатов совпадает с общественным мнением. Опрос населения, целью которого

Схема 2

Государство и солидарность элиты

Консенсус элиты	Согласованность государственного регулирования			Социальная солидарность
	<i>отсутствует</i>	<i>слабая</i>	<i>сильная</i>	
<i>отсутствует</i>	Российский			<i>слабая</i>
<i>кооперативный</i>			Германский	<i>сильная</i>
<i>конкурентный</i>		Англо-американский		<i>фрагментарная</i>
	<i>патерналистская</i>	<i>слабая</i>	<i>содействующая</i>	
	Роль государства в экономике			

было выяснить мнения людей о том, какое направление должна принять политика государства, показал, что 51 % респондентов требуют ликвидации задолженности по зарплате и пенсиям, 31 % — большей социальной ориентированности реформ, 25 % выступают за возврат к государственному регулированию экономики, 22 % поддерживают государственное субсидирование базовых секторов экономики и 20 % призывают к пересмотру результатов приватизации крупных объектов госсобственности*.

В данном вопросе парламентарии входят в противоречие не только с более неолиберальными группировками в правительстве, но и с внешними международными агентствами. Директор-распорядитель МФ М. Камдессю упомянул об этом в апреле 1998 г., когда разоблачал (и осуждал) «чрезмерно тесные связи между правительством и некоторыми крупными компаниями» (24).

В современных условиях основой политики Запада является идеология неолиберализма, которая требует усиления рынка. Противоречащие интересы, носителями которых являются компании, работающие на внутренний рынок, компании-экспортеры, доминирующие парламентские фракции, рыночно ориентированные координирующие органы управления, разобщенные министерства и департаменты правительства — все это указывает на слабость российского государства как субъекта координации капитализма и разобщенность правящих элит.

Схема 2 характеризует отношения с государством и солидарность элит в трех странах с различными типами капитализма.

Хаотический капитализм

Тенденции дезорганизации в англо-американской модели капитализма в своей крайней форме служат примером переходных процессов в российском обществе. Рассматривая компоненты различных типов капитализма, обсуждавшиеся выше, можно определить Россию, как «хаотическое» социальное обра-

* Опрос 1600 респондентов проводил ВЦИОМ в апреле 1998 г. Результаты опубликованы в газете «Аргументы и факты» от 17 апреля 1998 г.

зование*. Это образование может быть определено как социальная и экономическая система, которой не хватает институциональной координации и которая способствует социальной фрагментации: целям, праву, правящим институтам и экономической жизни недостает согласованности. Ее отличительными чертами являются неопределенность в отношении будущего, разобщенность элиты, отсутствие системы господствующего и промежуточного классов-посредников, смесь из различных каналов обмена, криминализация и коррупция, предприниматели, стремящиеся только к извлечению прибыли, неадекватное выражение политических интересов и экономика в состоянии упадка, характеризующаяся инфляцией, безработицей и бедностью**. Тогда как «дезорганизованный капитализм» не приводит к краху, хаотическая социальная формация — это извращение, и стабильность системы ненадежна.

Два средства координации — деньги и власть — неэффективны. России переходного периода недостает господствующей капиталистической идеологии, эффективного государственного аппарата, сплоченного правящего класса, институтов координации, консенсуса политических элит. Деньги плохо функционируют в качестве средства обмена. Капитализм как экономическая система, которая систематическим образом поддерживает накопление капиталов, не был установлен. Схема рационального рыночного поведения — максимизация полезности и равновесие цен, основанное на равенстве предельных доходов и издержек, не функционирует или функционирует лишь частично. На распределение ресурсов влияют: поддержка «национальной промышленности», сохранение рабочих мест, ориентация деятельности администрации на максимизацию ренты, ассигнования из прибыли компаний на поддержку политических лидеров, незаконный захват и использование собственности и товаров. Все это — следствие деградации денег как средства обмена и способ ухода от налогов. Сети личных связей, имеющих отраслевую, региональную и бюрократическую основу, определяют результаты деятельности в большей степени, чем рыночная активность. В связи с тем что политическая и правовая системы не способны гарантировать среднесрочный и долгосрочный безопасный доступ к контролю и передаче собственности, возникает неопределенность, и экономические акторы вывозят капитал и присваивают доходы.

На схеме 3 суммируются характеристики трех различных типов капитализма.

Критика англо-американской парадигмы выявила альтернативные принципы: общество не столь индивидуалистическое, рыночное и ориентирующееся исключительно на прибыль, может породить большую социальную и экономическую согласованность, что, в свою очередь, способствует более высокому уровню процветания (25). Социально ориентированный рынок есть наиболее известная альтернативная формула капитализма. Концепция социально ориентированного рынка признает, что рынок играет роль в удовлетворении человеческих потребностей, но только тогда, когда поддерживается контролирующи-

* Чтобы описать систему номинальных цен и господство бартера, часто используют термин «виртуальная экономика». Это понятие можно применять по отношению к экономике, но ему недостает социетальной и политической компонент.

** В 1998 г. сумма ежемесячного дохода 21,8 % населения (32 млн чел.) была ниже прожиточного минимума (423 руб./70 долл.). Данные Госкомстата опубликованы 2 мая 1998 г. (воспроизводятся в Списке Джонсона).

Схема 3

Типы экономики

Мотивация деятельности компаний	Согласованность экономики и общества			Консенсус элиты
	отсутствует	слабая	сильная	
получение ренты/бартер	Хаотический			отсутствует
прибыль		Дезорганизованный		Прочный/ конкурентный
обязательства			Переговорный	прочный/ кооперативный
	государство/ менеджмент/ собственники/	собственники/	собственники/ государство/ менеджмент/ работники	
	Главные акционеры экономики			

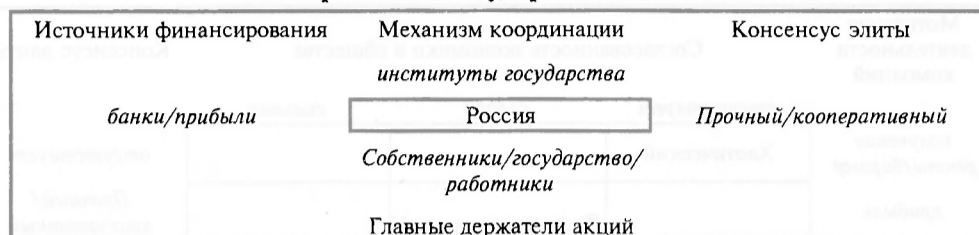
ми агентами (функцию которых обычно выполняет государство), регулируемыми результаты деятельности и обеспечивающими большее количество общественных благ (26). Согласованность при капитализме достигается не только рынком, как предполагается в неолиберальной модели, но и классом, организацией и государством. Этот момент имеет значение при переходе от государственного социализма к капитализму.

Кооперативный, государственно-регулируемый капитализм

При поиске большей стабильности наследие государственного социализма может быть «вписано» в структуру кооперативного капитализма, регулируемого государством. Множество обстоятельств в посткоммунистической России указывает на это. Во-первых, это роль финансовых институтов и переплетение прав собственности на холдинговые и дочерние компании. Российские банки и финансовые институты за период 1994—1999 гг. очевидным образом стали, наряду с государственными холдингами, ведущими институциональными собственниками. Во-вторых, это влияние менеджеров в контроле над компаниями. Управляющие не только владеют значительной долей активов, но и занимают в компаниях стратегические позиции, обеспечивая им руководство. Управленческий корпус, полученный в наследство от системы государственного социализма, ведет себя гораздо увереннее в борьбе за главенство. В-третьих, необходимо принять во внимание политический и идеологический факторы: ориентация, унаследованная от государственного социализма, является, безусловно, корпоративной. Считается, что государство имеет законное право поддерживать занятость и обеспечивать всеобъемлющую социальную защиту.

Для движения к более корпоративной системе необходимо значительное изменение направления и идеологии политики Запада. Лица, определяющие политику на Западе, часто в насмешку называют возникающую систему приятельским капитализмом (например, в Южной Корее), создающим диспропорции и неэффективность (27). Такая установка, скорее всего, есть следствие неолиберального мышления, которое господствует в политике, проводимой

Кооперативный государственный капитализм

Западом по отношению к преобразованию государственного социализма. Однако «приятельский капитализм», соответствующим образом регулируемый, может быть важной стадией в развитии капитализма, о чем свидетельствуют начальные этапы развития капитализма в Корее. Унаследованные от государственного социализма черты следует рассматривать не как помехи (28), а как потенциальные ресурсы. Китайская модель экономики не может быть перенесена ad hoc в Россию или другие восточноевропейские страны. Между тем Китай двигался к рынку в контексте этатистской экономики и, по крайней мере, формальной, гегемонии коммунистической партии.

Эти обстоятельства указывают на модель «кооперативного» капитализма, при котором финансовые институты и другие компании владеют значительными долями в холдингах, а менеджмент располагает властью для принятия стратегических решений. Кроме того, государство *потенциально* играет большую роль в координации. Идеологию и политику свободного рынка защищают министерства финансов, экономики, государственного имущества (прежнее Госкомимущество), их поддерживают МВФ и правительства капиталистических стран-лидеров. Их, в общем и целом, поддерживал президент Б. Ельцин. Другие министерства, особенно связанные с экономикой (министерства промышленности, сельского хозяйства, науки), а также Министерство обороны, МВД, ФСБ, возможно, МИД и региональные политические власти допускают более корпоративный интервенционистский подход, поддерживая различные внутренние клиентуры. Более того, государство до сих пор остается значительным собственником активов в экономике. Одновременно оно способно осуществлять мощный административный контроль над приватизированными предприятиями. Кооперативный капитализм, регулируемый государством, будет выглядеть примерно так, как показано на схеме 4.

Политический контекст государственного контроля в России и ключевая роль, которую играют топливно-энергетические отрасли в экономическом развитии страны, могли бы значительно ограничить могущество банковских и финансовых группировок, которые в одиночку не в состоянии обеспечить связующую инфраструктуру. Поэтому для России корпоративная форма координации («кооперативный капитализм») могла бы стать лучшей моделью. Организация промышленности, возвращенная в Германии системой переплетающихся директоратов, которые связывают компании с кредитными институтами, такими, как банки, и другими (нефинансовыми) компаниями, породила не только регулирование конкуренции и кооперации самим деловым сообществом, но и координацию экономики посредством распределения капиталов*. Подобной

моделью вполне могла бы послужить Франция. При Миттеране предпринималась попытка защитить французские корпорации от финансовых хищников. В стране существует финансовая система, «координируемая государством», и в состав советов компаний, получающих субсидии правительства, назначаются государственные чиновники (29).

В России, на макроуровне, политики, контролирующие министерства и экономику, а также президент имеют огромную потенциальную власть для координации и согласованности экономики. Ельцинское руководство использовало свою власть для усиления рыночных элементов и, поступая подобным образом, привело к значительной дезорганизации. В результате возникла извращенная форма «хаотической экономики», усиленная перекосами, созданными переходным обществом. Чтобы выжить, Россия должна изменить такое положение.

Рассматривая ситуацию в более широком контексте политических и экономических группировок, можно увидеть возрождение и усиление государства. Возможная констелляция политических интересов — это констелляция доминирующих групп в Государственной думе, связанных с отраслями и министерствами, которые работают на внутренний рынок. У них могут быть союзники в военном и внешнеполитическом ведомствах, стремящиеся к созданию более безопасной «национальной» базы. Другой значительной группой интересов, необходимой для соглашения элит, являются региональные властные блоки, в частности провинциальные политические аппараты. Такой политический сценарий имел бы значительную народную политическую поддержку**. Дума также является сосредоточием главной массовой партии — коммунистов. Чтобы кооперативный капитализм функционировал успешно, необходимо включить ее руководство в элитный консенсус. В оппозиции к данной конфигурации находятся удачливые компании экспортных отраслей, таких, как нефтяная, которые связаны с радикальными реформаторами-рыночниками в правительстве и внешними силами, такими, как МВФ***. Их интересы лежат в области глобальной экономики, иностранных рынков и внешних капиталовложений. В этом контексте внешние политические акторы также становятся важной детерминантой экономических изменений.

Альтернативой хаотической экономике служит кооперативный капитализм, координируемый государством. Координация во всех современных экономиках основывается на соединении рынка, государства, экономических институтов конкуренции и кооперации. Возможным сценарием стабилизации России является установление экономической системы с ограниченным рынком, регулирующим государством и экономическими институтами кооперации, в которой

* Она также способствует социальной солидарности, поощряя обязательные формы участия рабочих в советах компаний. Однако германская модель, опирающаяся на банки, нуждается в расширении, для того чтобы дать большую роль политическим акторам. Взаимозависимости компаний в Германии способствуют сильные ассоциации производителей, которые не только коллективно действуют в отношениях с государством, но и объединяются против рабочих.

** В ходе опроса, проводившегося в апреле 1998 г., респондентов спрашивали, поддержали бы они правительство, сформированное при участии коммунистов и других представителей оппозиции. 45 % респондентов ответили согласием и только 21 % были против, 34 % не имели своего мнения. (Аргументы и факты. 1998. 17 апр.)

*** М. Камдессю заметил: «Я не могу достаточно определенно утверждать, что Россия не может позволить себе выбрать эту [корпоратистскую] дорогу». См. цитировавшееся выше обращение.

управленческий корпус занимает важное место и в которой собственность находится в руках связанных друг с другом государства, частного бизнеса и финансовых институтов. Этот вид капитализма, координируемого государством, сможет обеспечивать накопление капитала. Государство будет заниматься не только прямым распределением ренты, полученной от экспорто-ориентированных отраслей, таких, как производство драгоценных металлов и энергетика, но станет косвенным образом направлять частные и участвующие компании через государственные институты и банки.

Основная критика этого сценария идет с двух сторон. Так, современные марксисты выступают с разоблачениями эксплуатации трудящихся, неотъемлемо присущей корпоративным моделям, содержащейся не только в авторитарном типе «переговорного» капитализма, но и в его мягких разновидностях, где занятость и права рабочих подвергаются постоянной эрозии. Эти критики пессимистически оценивают стабильность классовых и элитных соглашений. Они заявляют, что природой глобального капитализма, движущей силой которого служит извлечение прибавочного труда, является рента с присущими ей противоречиями, неразрешимыми через «переговоры». Утверждается, что переговорный государственный капитализм может быть краткосрочной стратегией, однако его ждет конфликт с глобализующимся корпоративным капиталом в форме транснациональных экономических корпораций и международными привратниками, такими, как МВФ и ОЭСР. «Переговорный» капитализм так же нелегитимен, как и любой вид капитализма, и неспособен служить средством обеспечения социальной справедливости и равенства.

Вместе с тем утверждается (хотя подтекст отличен от марксистской критики), что глобализация капитализма враждебна переговорной форме капитализма, координируемого государством. Кооперативная разновидность экономик германского типа не приводит к инновациям — их рост замедлялся в 80—90-х годах. Кооперативный капитализм — это верный путь к экономическому упадку. Реформы М. Тэтчер не только копировались в трансконтинентальном масштабе, но и были продолжены лейбористским правительством Блейера в Великобритании (30). Ныне идет процесс конвергенции, сходящейся эволюции в направлении капитализма, регулируемого рынком. Этот процесс не может быть остановлен без существенных потерь для национальных экономик. Политическое и экономическое пространство для систем, координируемых государством, а также для «кооперативных» систем, ограничено. Международные финансовые организации способны диктовать свои условия трансформирующимся экономикам. Утверждается, что регулируемый государством капитализм является неэффективным и жестко сдерживается силами глобализации.

В ответ я бы частично признал критические замечания марксистов по поводу роста уровня эксплуатации, упадка влияния наемного труда, ослабления безопасности, обеспечивавшейся государством всеобщего благосостояния, и значительного роста неравенства, бедности и безработицы. Однако, на мой взгляд, капиталистическая система, в которой государство играет ведущую роль, является не самой плохой формой капитализма для восточноевропейских обществ. В ответ на доводы неолибералов я бы заметил, что силы глобализации — международный контроль и экономическая гегемония — полностью не определяются экономическими факторами. Современные общества способны прини-

мать различные формы. Другими словами, тип капитализма, координируемого государством, вполне совместим с глобализацией. В России (и, возможно, в других развивающихся странах) экономика, координируемая рынком, потерпела неудачу, а корпоративная форма капитализма, координируемого государством, могла бы сработать.

Перевод с английского А.Н. Субочева.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Существует многотомная литература о политических институтах и процедурах, а также об экономических институтах (особенно о рынках и собственности). См.: *Merton J. Peck and Richardson T. J. (Eds.), What is to be Done? Proposals for the Soviet Transition to the Market.* New Haven, Yale University Press, 1992.; *Elster J., Offe C., Preuss U. K., Institutional Design in Post-Communist Societies: Rebuilding the Ship at Sea.* Cambridge University Press, 1998.
2. *Blasi J.R. et al. Kremlin Capitalism.* Cornell University Press, 1997. P.168.
3. См.: Российский статистический ежегодник (1998). М., 1998. С. 388—339.
4. Данные получены из отчета Министерства государственного имущества, представленного Е. Борисовой в «Moscow Times» 26 июня 1999 г. Johnson's List, № 2262. 1999. 27 June. Существуют 37 тыс. предприятий, на которых государство имеет долю в управлении.
5. «Economist» (1 августа 1992 г.), cited by Michael Keating. *The Politics of Modern Europe.* Edward Elgar, 1993. P. 5.
6. Такого взгляда на восточноевропейские преобразования придерживается Ivan Szelenyi. См.: *Szelenyi I., Szelenyi S. Circulation or Reproduction of Elites during the Post-Communist Transformation // Theory and Society.* 1995. № 24. P. 639—668.
7. *World Development Report 1996, From Plan to Market,* W.; N.-Y., World Bank / Oxford University Press, 1996. P. 53.
8. *Johnson J. Russia's Emerging Financial-Industrial Groups in Post-Soviet Affairs.* Vol. 13. № 4 (1997). P. 360.
9. *Prowse St. Corporate governance in an International Perspective., BIS Economic Papers № 41,* July 1994. Basle: Bank for International Settlements. P. 24.
10. Социально-экономическое положение России (январь—апрель 1999 г.). М., 1999. С. 159.
11. *Prowse St. Op. cit. P. 30.*
12. *Idem. P. 36.*
13. *Kaplan S. Top executive rewards and firm performance. A comparison of Japan and the US,* University of Chicago Working Paper, cited by Prowse. P. 46—47.
14. *Prowse St. Op. cit. P. 48.*
15. *Windolf, Beyer. P. 225.*
16. Обсуждение траектории движения от либерального, организованного капитализма к дезорганизованному см.: *Lash S., J. Urry J. The End of Organised Capitalism.* Polity Press, 1989.
17. Социально-экономическое положение России (январь—апрель 1999 г.). М., 1999. С. 217. В 1997 г. убытки понесли 50,1 % предприятий (Российский статистический ежегодник. 1998. С. 672).

18. Социально-экономическое положение России... С. 159.
19. Там же. С. 237—239.
20. *Useem M.* The Inner Circle: Large Corporations and the Rise of Business Political Activity in the US and UK. Oxford University Press, 1984. *Scott J.*, Corporations, Classes and Capitalism. L.: Hutchinson, 1985. P. 246.
21. *Useem M.* The Inner Circle: Large Corporations and the Rise of Business Political Activity in the US and UK. Oxford University Press, 1984; *Domhoff G.W.* Who Rules America? New Jersey: Prentice Hall, 1967; *Mills C. Wright*, The Power Elite. Oxford University Press, 1959.
22. *Domhoff G. W.* The Bohemian Grove and Other Retreats. New York: Harper and Row, 1974. P. 109.
23. *Scott J.*, Corporations, Classes and Capitalism. London: Hutchinson, 1985. P. 246.
24. Обращение М. Камдесю к Американско-российскому деловому совету. Вашингтон. 1998. 1 апр.
25. Одним из сторонников такой точки зрения является Хаттон. См.: *Hutton W.*, The State We Are In. L.: Cape, 1995.
26. См.: *Miller D.* Market, State and Community. Oxford, Clarendon, 1990.
27. См. цитировавшееся выше обращение Камдесю.
28. К примеру, Джонсон рассматривает эти обстоятельства в негативном ракурсе. *Johnson J.*, Russia's Emerging Financial-Industrial Groups.
29. *Story J., Walter I.* Political Economy of Financial Integration in Europe. Manchester University Press, 1997. См. гл. 7.
30. *Coates D.* Models of Capitalism in the New World Order: The UK Case. Political Studies. 1999. Vol. XLVII. P. 658.